

ЭДИТ УОРТОН

ЭПОХА НЕВИННОСТИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Серия «Эксклюзивная классика»

Edith Wharton

THE AGE OF INNOCENCE

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Уортон, Эдит.

У64

Эпоха невинности : [роман] / Эдит Уортон ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-158368-2

Трагическая и пронзительная история любви, потрясшей основы основ высшего света Нью-Йорка 1870-х, старательно копирующего нравы викторианской Англии.

История чистого и светлого чувства, которое молодой Ньюланд Арчер, будучи помолвленным с благовоспитанной Мэй Уелланд, испытал к блестящей, образованной и несчастной графине Эллен Оленской и которое ханжеское общество поспешило сделать мишенью для сплетен и нападок...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-158368-2

© Перевод. И. Доронина, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

КНИГА I

I

В один из январских вечеров начала семидесятых на сцене нью-йоркской Музыкальной академии* в «Фаусте» пела Кристина Нильссон.

Хотя уже ходили слухи о возведении — в отдаленном столичном районе, «за Сороковыми улицами» — нового оперного театра, который должен был посоперничать стоимостью строительства и великолепием с операми прославленных европейских столиц, высший свет довольствовался пока тем, что каждый зимний сезон собирался в обшарпанных красных с позолотой ложах доброй старой Академии. Консервативно настроенная публика ценила ее за скромные размеры и некоторое неудобство, которые отваживали от нее нуворишей, коих начинал пугать, но в то же время и манить старый Нью-Йорк; те, кто был склонен к сентиментальности, хранили преданность ей в силу исторических ассоциаций, а меломаны воздавали должное ее превосходной акустике — качеству, столь редко встречающемуся в новых зданиях, предназначенных для исполнения музыки.

---

* Музыкальная академия — оперный театр, открытый в 1854 г. на Манхэттене. Здание театра было снесено в 1926 году.

6   Это было первое в нынешнем сезоне выступление мадам Нильссон, и те, кого пресса уже привыкла называть «избранной блистательной публикой», съехались послушать ее, преодолев скользкие заснеженные улицы в своих каретах, просторных семейных ландо или более скромных, однако более удобных «купе Брауна»*. Прибыть в оперу в «купе Брауна» было почти так же престижно, как в собственном экипаже, а отъезд после спектакля тем же способом давал огромное преимущество, позволяя (с шутливым намеком на демократизм убеждений) занять первую же в очереди коляску, вместо того чтобы ждать, когда заложенный, побагровевший от холода и джина нос твоего собственного кучера замаячит под портиком Академии. Блестящая интуиция подсказала какому-то смекалистому конюху с извозчичьего двора, что американцы жаждут убраться с места развлечения даже с большим нетерпением, чем прибыть на него.

Когда Ньюланд Арчер открыл дверь клубной ложи, занавес только-только поднялся, явив зрителям декорацию сцены в саду. Ничто не мешало молодому человеку приехать раньше, однако, пообедав в семь с матерью и сестрой, он весьма неторопливо выкурил сигару в готической библиотеке с застекленными книжными шкафами черного орехового дерева и стульями с острыми наконечниками — единственной комнате, где миссис Арчер позволяла курить, и сделал это прежде всего потому, что Нью-Йорк был столицей,

---

* Наемный закрытый четырехколесный двухместный экипаж.

а в столицах «не принято» приезжать 7
в оперу к началу; понятия же «принято»
и «не принято» в жизни общества, в котором вра-
щался Ньюланд Арчер, были так же важны, как
тысячелетиями ранее были важны внушавшие
непостижимый ужас тотемы, правившие судьба-
ми его предков.

Другая причина его задержки носила лич-
ный характер. Он тянул время, попыхивая сига-
рой, еще и потому, что по сути был дилетантом
и предвкушение удовольствия зачастую при-
носило ему более волнующее ощущение, нежели
само удовольствие. Особенно когда речь шла об
удовольствиях утонченных, каковыми, впрочем,
большей частью они у него и являлись. В данном
случае предвкушавшийся момент был настолько
редким и изысканным, что, даже согласуй он его
с режиссером, его появление в зале не могло бы
случиться в более знаменательный момент, неже-
ли тот, когда примадонна, гадая и разбрасывая по
сцене лепестки ромашки, пела чистым, как роса,
голосом: «Он любит — нет — он любит меня!»

Пела она, разумеется, «M'ama!», поскольку
непреложный и неоспоримый закон музыкаль-
ного мира требовал, чтобы немецкий текст фран-
цузской оперы исполнялся шведской певицей
по-итальянски, чтобы было понятней английской
аудитории. Это казалось Ньюланду Арчеру таким
же естественным, как все прочие условности,
на которых зиждилась его жизнь, например, что
причесываться надлежит двумя щетками в сере-
бряной оправе с личной голубой эмалевой моно-
граммой и никогда не появляться в обществе без
цветка (предпочтительно гардении) в петлице.

8 «M'ama... non m'ama... — пела примадонна и в заключение: — M'ama!» — в любовном ликовании прижимая к губам растрепанную ромашку и возводя очи к искушенному лику маленького смуглого Фауста-Капуля*, тщетно пытавшегося — в своем тесном фиолетовом камзоле и берете с пером — выглядеть таким же невинным и искренним, как его простодушная жертва.

Прислонившись к стене в глубине ложи, Ньюланд Арчер отвел взгляд от сцены и стал изучать противоположные ярусы. Прямо напротив располагалась ложа старой миссис Мэнсон Минготт, которой чудовищная тучность давно не позволяла присутствовать в опере, но которую на фешенебельных спектаклях всегда представлял кто-нибудь из более молодых членов семейства. На сей раз в первом ряду ложи красовались ее сноха миссис Ловелл Минготт и дочь миссис Уелланд; позади этих двух затянутых в парчу матрон, устремив восторженный взгляд на сценических возлюбленных, сидела юная девушка в белом. Когда «M'ama!» мадам Нильссон взмыло над затихшим залом (разговоры в ложах всегда прекращались на время сцены гадания по ромашке), нежный румянец озарил щеки девушки, покрыл лоб до основания светлых волос и даже залил покатость юной груди в вырезе платья, целомудренно прикрытом тюлевой шемизеткой, скрепленной цветком гардении. Она опустила взор на огромный букет ландышей, лежавший у нее на коленях, и Ньюланд заметил, как она нежно

---

* Жозеф Капуль (1839–1924) — французский певец-тенор.

коснулась цветов затянутыми в перчатку 9
пальцами. Со вздохом удовлетворенного
тщеславия он снова перевел взгляд на сцену.

На декорации не поскупились, их высоко оценили даже знатоки, посещавшие оперные театры Парижа и Вены. Авансцена, вплоть до самой рампы, была затянута изумрудно-зеленой тканью. В средней части сцены симметрично расположенные бугорки, как бы покрытые мохнатым зеленым мхом и соединенные дугами, напоминающими крокетные воротца, огораживали сад из невысоких деревьев, похожих на апельсиновые, но усеянных крупными розовыми и красными розами. Гигантские — гораздо крупнее роз — анютины глазки, напоминавшие перочистки в форме цветов, какие прихожанки делают для своих любимых священников, выросли из мха позади деревьев, а на ветвях розовых кустов там и сям цвели роскошные «привитые» ромашки, пророчески предвосхищавшие будущие чудеса мистера Лютера Бёрбанка*.

Посреди этого волшебного сада мадам Нильсон в белом кашемире с бледно-голубыми шелковыми вставками, с редикюлем, свисавшим с синего кушака, и толстыми желтыми косами, аккуратно разложенными по обе стороны муслиновой шемизетки, потупив очи, слушала страстные признания мистера Капуля, изображая простодушное непонимание его намерений каждый раз, когда он словом или взглядом настойчиво указывал ей на окошко в нижнем этаже аккурат-

---

* Лютер Бёрбанк (1849–1926) — известный американский селекционер, садовод.

10   ного кирпичного особняка, косо выступавшего из правой кулисы.

«Милое дитя! — подумал Ньюланд Арчер; его взгляд порхнул обратно, на юную особу с ландышами. — Она даже не догадывается, что все это значит». Он созерцал ее трогательно увлеченное лицо с трепетом обладания, в котором смешались гордость собственной мужской посвященностью и нежное благоговение перед ее бездонной чистотой. «Мы будем читать “Фауста” вместе... на берегах итальянских озер...» — думал он, и в его воображении смутно сливались сцены из его предстоящего медового месяца и литературного шедевра, открыть невесте смысл которого должно было стать его мужской привилегией. Только сегодня днем Мэй Уелланд дала ему понять, что она к нему «неравнодушна» (единственно возможная согласно нью-йоркской священной традиции фраза, означающая согласие девушки), а его воображение уже гнало его впереди помолвки, обручального кольца и поцелуя и под звучащий в голове свадебный марш из «Лоэнгрин» рисовало картину, на которой он вел ее под руку по какому-то заповедному уголку старушки Европы.

Он ни в малейшей мере не желал, чтобы будущая миссис Ньюланд Арчер была наивной простушкой. Он хотел, чтобы она (благодаря его просветительскому руководству) развила в себе навыки светского общения и остроту ума, которые позволят ей уверенно держаться в кругу самых популярных замужних дам «молодого поколения», где признанным обычаем было умение снискать мужское уважение, игриво обескуражив любого. А если бы он прозрел свое тщеславие до

самого дна (куда порой почти добирался), он бы обнаружил там и желание, чтобы его жена была столь же искушенной в стремлении доставить ему удовольствие, как та замужняя дама, которая владела его фантазиями в течение двух довольно бурных лет, — но, разумеется, без малейшего намека на болезненность, которая едва не омрачила жизнь этого несчастного существа и расстроила его собственные планы на целую зиму. 11

Как подобное чудо из льда и пламени сотворить и как ему выстоять в грубом окружающем мире — об этом Арчер никогда не давал себе труда задуматься, он довольствовался тем, что придерживался такого взгляда, не анализируя его, поскольку знал: именно так должны думать все тщательно причесанные джентльмены в ослепительно-белых манишках и с цветками в петлицах, которые сейчас сменяли друг друга в клубной ложе, по-приятельски обмениваясь приветствиями и критически обращая свои театральные бинокли на дам, представлявших собой продукт системы. В интеллектуальном отношении и в понимании искусства Ньюланд Арчер ощущал свое превосходство над этими избранными особями старой нью-йоркской знати; он, вероятно, больше читал, больше думал и даже мир повидал гораздо больше, чем любой другой из их числа. Каждый из них в отдельности явно уступал ему, но вместе они олицетворяли «Нью-Йорк», и по обычаю мужской солидарности Арчер принимал их жизненную доктрину во всем, что входит в понятие морали. Он интуитивно чувствовал, что было бы чревато осложнениями — и, упаси Господь, со-

12   чтено дурным тоном — проявлять независимость в этой сфере.

— Быть не может! — воскликнул Лоуренс Леффертс, резко отведя бинокль от сцены. Лоуренс Леффертс в целом был признанным нью-йоркским авторитетом по части «хорошего тона». Он больше времени, чем кто бы то ни было другой, посвящал изучению этого замысловатого и увлекательного вопроса, однако изучение само по себе еще не объясняло его исчерпывающей компетенции и свободного владения предметом. Достаточно было окинуть взглядом его стройную элегантную фигуру от покатога гладкого лба и светлых усов идеальной формы до лакированных штиблет с узкими длинными мысами, чтобы понять, что знание «стиля» есть неотъемлемое свойство этого человека, умевшего носить очень дорогую одежду столь небрежно и при весьма высоком росте двигаться с такой непринужденной грацией. Как однажды сказал о нем некий юный почитатель: «Если кто и может точно сказать, когда следует надевать черный галстук к вечернему костюму, а когда нет, то это Ларри Леффертс». А уж по части выбора между бальными туфлями и лакированными «оксфордами»* его авторитет был непререкаем.

— Не может быть! — повторил он, передавая бинокль старому Силлертону Джексону.

Проследив за взглядом Леффертса, Ньюланд Арчер с удивлением увидел, что его восклицание

---

* Оксфорды считаются самой строгой и официальной обувью. Их принято надевать к фраку, смокингу или «протокольному» классическому костюму.

было вызвано появлением в ложе старой миссис Минготт новой персоны — стройной молодой дамы, чуть пониже ростом, чем Мэй Уелланд, с темными густыми локонами на висках, подхваченными узкой лентой, расшитой бриллиантами. Намек на «стиль Жозефины», как принято было его называть, содержащийся в этом головном украшении, подкреплялся покроем темно-синего бархатного платья, весьма театрально подхваченного под грудью поясом с большой старомодной пряжкой. Носительница столь необычного наряда, которая, казалось, совсем не замечала, какое привлекла внимание, стояла посреди ложи, обсуждая с миссис Уелланд, уместно ли ей занять место в первом ряду справа от последней, но сдалась и с едва заметной улыбкой села в кресло, противоположное тому, в котором сидела миссис Ловелл Минготт, невестка миссис Уелланд.

Мистер Силлертон Джексон вернул бинокль Лоуренсу Леффертсу. Весь клуб инстинктивно обратил взоры на старика в ожидании того, что он скажет, потому что старый мистер Джексон был таким же непререкаемым авторитетом по части «родословных», каким Лоуренс Леффертс — по части «стиля». Он знал все разветвления нью-йоркских родственных связей и мог разъяснить такие сложные вопросы, как, кем приходится Минготты (через Торли) южно-каролинским Далласам и как старшая ветвь филладельфийских Торли связана с Чиверсами из Олбани (ни в коем случае не путать с Мэнсон Чиверсами с Университетской площади), но и перечислить основные характеристики каждого семейства — например, легендарную скудость младшей линии Лефферт-

14 сов (тех, что с Лонг-Айленда) или роковую склонность Рашуортов заключать дурацкие браки, или сумасшествие, проявляющееся в каждом втором поколении олбанских Чиверсов, с которыми нью-йоркские кузены и кузины всегда отказывались вступать в matrimониальные отношения — за катастрофическим исключением бедной Медоры Мэнсон, которая, как всем известно... впрочем, ее мать сама была из Рашуотов.

В придачу к этому лесу генеалогических древ мистер Силлертон Джексон хранил между своими узкими впалыми висками, под копной мягких серебристых волос полный реестр скандалов и тайн, тлевших под невозмутимой поверхностью нью-йоркского высшего света за последние пятьдесят лет. Его осведомленность простиралась так широко, а память была настолько крепкой, что он, пожалуй, был единственным человеком, который мог сказать вам, кем на самом деле был банкир Джулиус Бофорт и что случилось с красавцем Бобом Спайсером, отцом старой миссис Мэнсон Минготт, который столь загадочно исчез (с крупной суммой денег трастового фонда) менее чем через год после собственной женитьбы, в тот самый день, когда красивая испанская танцовщица, которая восхищала переполненные залы старой Оперы в Бэттери*, села на пароход, следовавший на Кубу. Однако эти и многие другие тайны были надежно заперты в памяти мистера Джексона не только потому, что обостренное чувство чести не позволяло ему повторять то, чем с ним подели-

---

* Бэттери - парк — парковая зона на южной оконечности острова Манхэттен в Нью-Йорке.

лись в частном порядке, но и потому, что репутация человека, умеющего держать язык за зубами, увеличивала его возможности узнавать то, что ему хотелось узнать. 15

Вот почему клубная ложа застыла в напряженном ожидании, пока мистер Силлертон возвращал бинокль Лоуренсу Леффертсу. Несколько секунд старик молча внимательно вглядывался в своих одноклубников подернутыми старческой пленкой голубыми глазами с набрякшими веками, испещренными синими венами, потом задумчиво подкрутил усы и сказал всего одну фразу:

— Не думал, что Минготты решатся на такое.

II

Этот короткий эпизод поверг Ньюланда Арчера в неприятное состояние неловкости.

Его раздражало, что единодушное внимание всей мужской части Нью-Йорка привлекла ложа, в которой между матерью и теткой сидела его нареченная. Какое-то время он не узнавал даму в платье стиля ампир и недоумевал, почему ее появление вызвало такой ажиотаж среди посвященных. Потом его осенило, и в груди вскипело негодование. И впрямь, кто бы мог подумать, что Минготты решатся на такое!

Но они решились, никаких сомнений. По приглушенным замечаниям у него за спиной Арчеру стало очевидно, что молодая дама действительно была кузиной Мэй Уелланд, той, которую в семье всегда называли не иначе как «бедняжка Эллен Оленская». Арчер знал, что она внезапно приехала из Европы дня два тому назад, и даже